

В.Е. Семенов, И.Н. Алексеев

ЦЕНТРЫ И ФИГУРЫ ВЛИЯНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 1990-х годов

Социологами уже отмечено, что современная религиозность перестает быть институциональной по преимуществу [1, с. 232–241]. Если институциональная религиозность оперировала такими территориальными понятиями, как страна, государство, цивилизация, то современная религиозность становится чувствительна региональному, т.е. городскому обществу. Современная религиозность существует не столько в странах, сколько в городах, в контексте регионального сообщества. Весьма вероятно, что этот процесс будет нарастать и это обстоятельство будет иметь важные последствия для регионального сообщества. Уже в силу этого для социолога важно фиксировать религиозные процессы локального характера. Однако тут необходимо сделать очень важное методологическое замечание: при анализе религиозных движений необходимо учитывать степень влияния того или иного религиозного движения в рамках регионального сообщества. Иначе говоря, необходимо отличать религиозных маргиналов от того, что можно именовать магистральным религиозным направлением — *mainstream*. Именно в силу этого объектом первоочередного внимания социолога должна быть доминирующая в данном регионе конфессия. В ситуации С.-Петербурга такой конфессией является православие.

Степень изученности православной жизни северной столицы минимальна, в основном, есть работы только по истории или же о правосла-

Семенов Вадим Евгеньевич (р. 1959) — кандидат философских наук, преподаватель факультета социологии СПбГУ.

Адрес: 192007, С.-Петербург, ул. Боровая, д. 44, кв. 14.

Тел.: (812) 271-99-86 (служ.); 166-52-75 (дом.).

E-mail: semenkov@soc.spbu.ru

Алексеев Илья Николаевич — аспирант факультета социологии СПбГУ.

Тел.: (812) 233-12-38 (дом.).

вии в целом. Освещение событий, происходящих в С.-Петербурге в этой сфере, на страницах социально-политических и социально-экономических изданий фактически отсутствует.

Хотя в городе на сегодняшний день действуют пять православных Церквей: Русская Православная Церковь юрисдикции Московского патриархата (РПЦ МП), Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ), Российская Православная автономная Церковь (РПАЦ), Истинно Православная Церковь Греции (юрисдикции архиепископа Хризостома Афинского), Истинно Православная Церковь (ИПЦ, так называемая катакомбная), — мы в качестве *объекта исследования* берем только РПЦ МП, ввиду минимального количества сторонников других Церквей и еще окончательно не решенного статуса ряда из них.

Предметом исследования выступают центры и фигуры влияния в православной Церкви С.-Петербурга. Это обусловлено как тем, что церковь весьма умеренно позиционирует себя как публичного субъекта, это скорее жестко организованный институт с системой неявных авторитетов. В такой системе авторитет фигуры власти априорно выше авторитета публичной фигуры. Именно поэтому предметом внимания исследователя должны быть фигуры и центры влияния. При этом надо учитывать, то эти центры и фигуры не явны, что составляет основную трудность для исследования, но вместе с тем, они формализованы, и это можно рассматривать как «плюс» для социолога.

Под центрами влияния имеются в виду места, где осуществляются такие высказывания, которые могут быть приравнены к действию. Приравнять эти высказывания к действию позволяет то, что они могут быть использованы и используются в создании институциональных фактов. Одна из наиболее удивительных особенностей институциональных фактов — то, что большинство из них могут быть созданы перформативными высказываниями. Этот термин использован в работах американского исследователя Дж.Р. Серля [2], и мы используем его работу в качестве *методологического основания*. Мы исходим из того, что символическое производство (а Церковь осуществляет именно это производство) предполагает выделение аспекта, где социальное действие приобретает перформативный характер, т.е. такую ситуацию, где сам акт высказывания становится эквивалентным действию. В том, что мы именуем центром влияния, должны осуществляться такого рода высказывания, которые по сути формируют или провозглашают общественное мнение, точнее, в них для данного сообщества провозглашается степень признания чего-то или кого-то.

Однако не все институциональные факты могут конструироваться в соответствии с их декларацией: если вы Президент какого-то государства и заявляете вашему коллеге на другом конце Земли: «Я объявляю вам войну», то тот справедливо будет считать, что с этого момента война началась и может объявить о всеобщей мобилизации. Но те же самые слова, сказанные не тем человеком или не при тех обстоятельствах не будут иметь такого, а то и вообще никакого эффекта. Объяснение заключается в так называемой *структуре конструктивных правил* [2], кото-

рые позволяют речевому действию реализовываться в качестве перформативного высказывания. Конструктивное правило позволяет, как отмечает Дж. Серль, последующему положению дел накладываться на речевое действие только когда выполнение последнего, при соответствующих обстоятельствах, может таким образом создавать новый институциональный факт. Вы не можете, например, коснуться Земли, только говоря, что делаете это, или объявить войну всем странам мира, не имея на это достаточного объема полномочий и оставаясь просто подданным своего родного государства.

Поэтому *фигурой влияния* в нашем исследовании мы называем тех, чей речевой акт вполне реально становится действием в православной сфере, причем действием значимым. Что же касается *центров влияния*, то выделялись они по разным основаниям, и можно говорить, таким образом, о различных *сферах*, на которые распространяется *влияние* каждого из этих центров. За счет этого вокруг каждого из них формируется своя социальная группа, отличающаяся своими, только ей присущими характеристиками. Для них тот или иной центр в силу определенных причин, *конструктивных правил*, становится значимым и влиятельным, и **список этих центров можно рассматривать как социологическую карту православного С. -Петербурга.**

Ниже представленный перечень основывается на результатах многолетнего *участвующего наблюдения*. В качестве *верификации* полученных данных использовалась процедура опроса представителей различных структур — как светских, так и религиозных. Представители подбирались с учетом различных позиций, занимаемых в городском сообществе (чиновник из отдела Мэрии по делам религиозных организаций, специалист по религиоведению, известные священнослужители, церковный публицист, общественные фигуры, вовлеченные в религиозную жизнь города и др.), главное требование к ним — компетентность в данном вопросе. Всего было опрошено 10 человек, и все опрошенные подтвердили обоснованность разговора именно об этих центрах и фигурах, корректировка списка шла только в сторону его увеличения. Последнее для авторов исследования не является принципиальным, т.к. *целью исследования была не полнота изучения поля во всем его объеме, а определение поля как такового.*

Представляется возможным выделить следующие пять центров влияния РПЦ МП.

1. Собор святителя Николая чудотворца (Николо-Богоявленский, так называемый «Морской»), кафедральный собор. Юридический адрес: Никольская площадь, 1/3. Его положение как центра влияния обусловлено уже тем, что это кафедральный собор с 1941 г. Стоит отметить, что Николо-Богоявленский собор является одним из немногих соборов в городе, который не закрывался на протяжении всей советской эпохи. С 1941 г. Никольско-Богоявленский собор, как было сказано выше, стал кафедральным: своей резиденцией его избрал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский), служивший в храме с 1941 по

1944 г. на протяжении почти всей 900-дневной блокады города. В 1945 г. владыка Алексей был избран Патриархом [3, с. 43]. Настоятелем собора на протяжении многих лет является протоиерей Богдан Сойко. Будучи долгое время кафедральным собором, этот храм именно этим и привлекал прихожан — туда ходить престижно. Однако являясь центром официального православия, этот храм, именно в силу своей престижности, не может рассматриваться как церковь с классическим приходом. Те, кто посещают этот храм, являются не столько прихожанами, сколько «захожанами». Если и можно говорить о приходе применительно к Николо-Богоявленскому собору, то это *формальный приход*. Не исключено, что в связи с состоявшимся переносом кафедры в Казанский собор положение Николо-Богоявленского собора изменится в ту или иную сторону. Во всяком случае, он уже не будет восприниматься как место православного официоза.

2. Церковь святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (домовая) при С.-Петербургских Духовных школах (протоиерей Василий Стойков). Юридический адрес: набережная Обводного канала, 17. Если Николо-Богоявленский собор — центр официального православия, то церковь Иоанна Богослова — это центр интеллектуального православия в С.-Петербурге. Надо учитывать тот фактор, что в советский период сформировалось устойчивое мнение о хорошем образовании священника. Принято было рассматривать фигуру священника с точки зрения его духовного образования. Несмотря на то, что сейчас престиж этого образования несколько снизился и пиетет уже не тот, в обществе продолжает бытовать определенный стереотип о высоком качестве обучения в духовных школах. Все это определяет в глазах общественного мнения православного С.-Петербурга вышеуказанный храм как центр интеллектуального православия. И это действительно так, ибо нельзя отрицать, что священники этого храма понимают, что делают, и никто им в вину не поставит чрезмерную увлеченность рефлексией в духовной практике. Однако не только этим характерен этот храм. В отличие от Николо-Богоявленского собора тут уже есть приход с постоянным составом его членов. Но этот приход можно определить как приход по месту учебы, т.к. все учащиеся духовных школ являются прихожанами именно этой церкви.

3. Часовня Блаженной Ксении при Смоленской церкви (настоятель — протоиерей Виктор Московский). Юридический адрес: Камская улица, 24. Это центр народного православия, туда уже многие годы «не зарастает народная тропа». Для понимания культа Ксении Блаженной необходимо иметь в виду следующее. У нашего города три небесных покровителя: благоверный князь Александр Невский, святой Иоанн Кронштадтский, Блаженная Ксения. (В нашем городе жил еще один канонизированный святой — это новомученик митрополит Вениамин, но, можно сказать, что его культ не сложился, т.к. вообще не сложился культ новомучеников, репрессированных советской властью.) Из трех вышеуказанных святых Ксению Блаженную почитают больше всего. Церковных оснований почитания такого масштаба, по сравнению с персонами Александра Не-

вского и Иоанна Кронштадтского, не имеется, тут дело в особенности состава и мировосприятия современных посетителей Церкви.

Причины культа Ксении Блаженной исходят из своеобразия положения Церкви в современном обществе. Дело в том, что в советское время типичный прихожанин в церкви — это пожилые женщины, пришедшие к Церкви уже в зрелом возрасте, и толчком, побудившим их прийти в Церковь, был, как правило, тот или иной конфликт в личной жизни, в их повседневности. Для таких прихожанок Блаженная Ксения выступала как архетип женщины, пережившей удары судьбы в контексте своей частной, повседневной жизни. В восприятии этих прихожанок судьба Ксении, потерявшей мужа, была типична и, что не менее важно, им понятна. Особенно этот культ распространился после Второй мировой войны, когда вдовство стало типичным явлением. Именно в силу этого культ Иоанна Кронштадтского заметно уступает культу Ксении Блаженной. Святой Иоанн Кронштадтский понятен и близок современному прихожанину, но он не воспринимается как архетип, т.е. он не типичен, а, скорее, наоборот: родившись хилым и слабым, прожил долгую жизнь, будучи выходцем из бедной семьи, сделал церковную карьеру, будучи формально женатым, воздерживался от сожителства с супругой, крайний аскет. Уже исходя из вышеизложенного, становится понятным, почему почитание Ксении превосходит почитание Иоанна Кронштадтского, и уж тем более почитание Александра Невского. Но, надо отметить, что культ святой Ксении не всегда выдерживается самими прихожанами, уже хотя бы потому, что его никто не формирует. В результате в этой часовне социолог имеет дело, подчас, с явлениями нездорового характера. Это можно сказать уже исходя из того, кто посещает часовню: в своей массе это женщины с какими-то значительными личными проблемами, причем эти проблемы не уникальны и исключительны, а как раз наоборот типичны и ординарны. Для социолога круг почитателей Ксении Блаженной являет собой отличное поле для наблюдения типических неврозов современного общества. Если Николо-Богоявленский собор — храм, почитаемый успешными «захожанами», то часовня Ксении Блаженной — это также место, посещаемое «захожанами», но уже «захожанами» отверженными.

4. Церковь Иконы Божьей Матери «Неупиваемая Чаша» на заводе АТИ. Следующая церковь, о которой пойдет речь, не столь известна, как предыдущие, более того, упоминания о ней еще нет ни в одном справочнике по храмам С.-Петербурга [4–6]. Тем не менее, *церковь Иконы Божьей Матери «Неупиваемая Чаша»* приобретает все большую известность и заслуживает особого внимания, коль уж мы решили говорить о центрах влияния православной жизни нашего города.

Недалеко от станций метро «Московские ворота» или «Электросила», на улице Цветочная находится завод асбесто-технических изделий, на территории которого располагается *Церковь Иконы Божьей Матери «Неупиваемая Чаша»* (настоятель — протоиерей Иоанн Миронов). Она была построена более двух лет назад на территории завода, где занимает небольшую площадь, и недавно была освящена. Доступ в церковь открыт для всех желающих, независимо от того, работают они на данном заводе или нет. Но не

по этой причине данная церковь фигурирует в списке центров влияния на православную жизнь города. Ведь в нашем городе не одна церковь располагается на территории государственного учреждения, для таковых есть даже специальный раздел в справочной литературе. Церковь Иконы Божьей Матери «Неупиваемая Чаша» интересна прежде всего тем, что при ней расположено так называемое «Православное радио С.-Петербурга», которое ежедневно вещает на средних волнах.

Данная радиостанция — явление специфическое, т.к. показывает, в каких формах сейчас бытует религиозность. А бытует она все больше в форме *виртуального* прихода. Можно рассматривать все более популярные интерактивные сеансы радиостанции «Православное радио С.-Петербурга» как православный ответ технологическим новациям протестантов. Персоной № 1 на этой радиостанции является ее главный редактор Васильев. В работе этой радиостанции можно увидеть некоторую политизированность, но учитывая, что ее сотрудники работают в одном диапазоне частот с протестантской «Теос» и католической радиостанцией «Благодатная Мария», можно при оценке ее работы вынести эту политизированность за скобки.

5. Церковь преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище. Юридический адрес: Серебряков переулок, 1. Это — приход в точном смысле этого слова. Если в церкви Иоанна Богослова существует узаконенное ее статусом постоянное течение прихожан — каждый год очередной выпуск, то протоиерей Василий Ермаков смог создать *классический*, в современном смысле этого слова, приход. Этот приход показывает нам четко очерченную группу прихожан, с устойчивыми связями между собой. И это заслуга *настоятеля* храма о. Василия (Ермакова), который привлекает народ своими сильными проповедями и личной харизмой. Он постоянно окружен прихожанами, которые просят его благословения или совета, и не только в вопросах конфессионального характера, но и по проблемам сугубо мирским, например, если речь идет о медицинской операции, без одобрения «батюшки» никто из прихода на это не пойдет. Судя по отзывам, прихожане церкви Серафима Саровского считают своего настоятеля человеком, «равным которому нет никого в Питере, да и по всей Земле таковых несколько человек».

Об этой церкви можно услышать весьма критические отзывы, но критикуют-то именно ее, а значит, на слуху эта церковь, а не какая-то иная. Церковь Серафима Саровского оказывает влияние самим фактом существования классического прихода. А наличие устойчивого контингента прихожан — явление сейчас весьма редкое, т.к. для современной православной Церкви свойственна постоянная ротация прихожан и духовенства, и это плохо, поскольку Церковь должна функционировать по модели большой семьи, а в семье не может быть постоянной ротации ее членов. Вскрыть социальные причины ротации в рамках данной статьи не представляется возможным, однако можно заметить, что клир РПЦ МП действует малоэффективно по устранению ротации.

Постоянная ротация как прихожан, так и настоятелей храмов чревата уже тем, что препятствует установлению социальных связей в приходе,

образованию в приходе некоего социума, устойчивого, сложившегося коллектива. Не исключено, что в ряде случаев имеет место ролевой конфликт между священниками и прихожанами, и в таком случае священник заинтересован в постоянной ротации прихожан, т.к. ему легче работать именно с «захожанами».

Факт все большей ротации членов прихода позволяет сказать, что и сам приход существует на сегодняшний день не более чем номинально. А если это так, то он, за редким исключением типа прихода церкви Серафима Саровского, не может рассматриваться как субъект религиозной жизни. В определении этого субъекта приходится спуститься на более низкий уровень: уровень связей задаваемых индивидами и рассмотреть фигуры влияния на этом уровне.

Фигуры влияния. Безусловно, обзор наиболее значимых и знаковых фигур надо начать с фигуры главы С.-Петербургской епархии. Независимо от того, кто конкретно возглавляет епархию — это всегда человек, обладающий большим административными и финансовыми ресурсами и уже в силу этого он не может не являться фигурой влияния. На 1999 г. главой епархии является митрополит **Владимир Котляров**, сменивший в 1995 г. покойного митрополита **Иоанна Снычева**. Вышеуказанные фигуры весьма разнятся между собой как по манере публичного поведения, так и по расстановке акцентов в осуществляемой ими политике.

Различаются уже имиджи этих фигур: «Владыка Иоанн производил впечатление старца, глубокого подвижника веры, многоопытного пастыря» [7]. Митрополита Владимира в печати называли «священником-политиком», так как именно этой работой он и занимался до назначения на кафедру в С.-Петербурге [8].

По мнению корреспондентов журнала «Мир Петербурга» «о предыдущем митрополите, владыке Иоанне (Снычеве), петербуржцы знали мало», тем не менее «его консервативные политические взгляды были известны далеко за пределами города» [9]. Основаниями для такого восприятия владыки были, возможно, его высказывания в светской прессе о текущей религиозной ситуации. Например, в 1994 г. в журнале «Гуманитарные науки», говоря о современных религиозных движениях, митрополит Иоанн отозвался о них следующим образом: «Пользуясь труднейшим положением страны, на Святую Русь ринулись толпы лжеучителей и лжепророков, которые пытаются использовать идеологический вакуум, образовавшийся после крушения официальной коммунистической доктрины, заполняя его духовными суррогатами, религиозными отбросами западных псевдохристианских сект» [9].

Если покойный митрополит Иоанн, несмотря на слабое здоровье, был достаточно активен в контактах с масс-медиа и с общественностью, то митрополит Владимир в этом плане намного более осторожен. Конечно, он появляется на собраниях, встречах и презентациях, но эти встречи носят достаточно светский и формальный характер. В интервью газете «Православный Петербург» на вопрос об отношении к возросшей в последнее время активности православных мирян (имеются в виду крестные

ходы, выставки, конференции, всевозможные выступления по радио и ТВ) митрополит Владимир ответил, что «люди, задумав безусловно благое дело, часто незаметно для себя скатываются в политику или партийность, начинают отстаивать интересы каких-то группировок» [10]. Если за подписью митрополита Иоанна выходили книги и статьи (в газетах «Советская Россия», «Русский вестник», «Завтра»), то митрополит Владимир пока от публикаций воздерживается. Если митрополит Иоанн достаточно часто встречался с политически ангажированной общественностью города и в самых различных местах: Ленинградский концертный зал, кинотеатры, особняк Юсупова, то митрополит Владимир активен в кадровой политике. Наиболее значимой инициативой митрополита Владимира явилось воссоздание Свято-Троицкой Александра-Невской лавры. Эта инициатива позволила ему осуществить замену настоятеля Троицкого собора Александра-Невской лавры белого священника иеромонахом. Стоит указать, что эта замена сопровождалась перемещением прежнего протоиерея на место настоятеля церкви святителя Петра митрополита Московского (бывшее Творожковское подворье) — место принципиально не значимое. В качестве обратного примера можно указать на перемещение протоиерея Владимира Сорокина с должности настоятеля лишь формально существующего собора Федоровской иконы Божьей Матери на должность настоятеля престижного Князь-Владимирского собора. Этот факт указывает на протоиерея Владимира Сорокина как фигуру близкую к нынешнему митрополиту.

Фигура протоиерея **Владимира Сорокина** интересна для нас еще и тем, что он один из немногих петербургских священников, который достаточно регулярно выходит в прямой эфир петербургского телевидения в рамках передачи «Срок ответа — сегодня». Можно весьма критически оценить опыт общения протоиерея Владимира с СМК, но нельзя отрицать то, что в средствах СМК он себя обозначил как публичную фигуру, что весьма не часто встречается среди священников РПЦ МП.

Следующая фигура, достойная упоминания, — главный редактор газеты «Православный Санкт-Петербург» **Александр Раков**. Он создал эту газету и, что еще более важно, обеспечил ее, регулярное, бесперебойное издание с 1993 г. В газете дается хроника православной жизни города. Тираж газеты сегодня более 10 тыс. экземпляров, на ее издание получено благословение митрополита Владимира. Это немаловажная деталь, т.к. митрополит Владимир (как и все современное руководство РПЦ МП) достаточно осторожен в такого рода действиях, в отличие от митрополита Иоанна. Александр Раков не только сумел наладить выпуск в нашем городе региональной православной газеты, но и найти для нее неплохих корреспондентов. В частности, специально для этой газеты пишут люди, находящиеся за рубежом: Михаил Талалай, Павле Рак, инок Всеволод (Филиппьев) из Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Помимо основного издания, «под шапкой» «Православного Петербурга», ориентированного, в основном, на освещение дня сегодняшнего, выходят также дочерние газеты — «Правило веры» (во имя Николая Чудотворца), «Чадушки», «Горница» (ориентированные на семейное домаш-

нее чтение) и «Соборная Весть» (своего рода дайджест православной прессы).

Кроме Александра Ракова необходимо указать на **Константина Душенова**, издателя газеты «Русь Православная». В отличие от общегородской газеты, издаваемой Раковым, газета Душенова распространяется не только в странах СНГ, но и за рубежом, круг его корреспондентов шире, он регулярно публикует эксклюзивные интервью епископов РПЦ МП, но самое главное в том, что у Душенова, в отличие от Ракова, есть политическая позиция по церковным вопросам. Это позиция — православный консерватизм. Поэтому статьи в газете «Русь Православная» проблемны, остры, актуальны. Душенов со страниц своей газеты указывает на внутренние проблемы клира, на сознательное искажение вероучения, на те или иные настроения в Церкви. Читая эту газету, видишь личность самого редактора, понимаешь, чем он озабочен. Однако К. Душенов заслуживает упоминания не только как издатель газеты, он — лицо непосредственно подготавливавшее к печати статьи и книги покойного митрополита Иоанна. Вполне можно сказать, что К. Душенов, не будучи публичной фигурой, обладает весьма солидным социальным и информационным капиталом. Также не будет преувеличением сказать, что именно он задавал политический дискурс, презентуемый в публичном пространстве митрополитом Иоанном.

К. Душенов являет собой образцовый пример православного «от политики»: он занимается политикой не потому, что он православный и его волнует положение православия в современном обществе, а, скорее, наоборот — его православие производно от политической ангажированности. Стоит отметить, что социальная активность Душенова была направлена не на создание политической партии (типа ХДС), а на создание православной газеты. Его газета и стала формой организации определенного движения в РПЦ МП, кредо которого: «Православие — государственная религия».

В пару Душенову можно указать на существенно иную фигуру — **Вадима (Василия) Лурье**, также бывшего близким к митрополиту Иоанну, а после его смерти перешедшим сначала в РПЗЦ, где он сумел своими статьями существенно повысить рейтинг журнала «Вертоград-Информ», а ныне принявшего сан священника недавно созданной Российской Православной Автономной Церкви и фактически возглавившего приходы этой Церкви в С.-Петербурге. Он является одним из немногих в городе практикующих богословов (специалист по литургике) и своими научными работами снискал признание среди академических гуманитарных кругов С.-Петербурга и Москвы. Последнее — весьма редкое явление для современной российской Церкви: в ней обычно пишущий священник — это либо популяризатор типа о. Александра (Меня), либо проповедник.

Разговор о процессах, происходящих в современной православной Церкви, ныне уже немислим без упоминания женских *светских* фигур. Они занимают все большее место в православных кругах, выступая как публицисты, фигуры масс-медиа и, что достаточно существенно, как издатели православной литературы. Последнее характеризует их как лю-

дей, связанных с финансами, т.е. влияющих на инвестиционную политику православной Церкви. Говоря о православной жизни нашего города, можно (и нужно) упомянуть, по крайней мере, двух женщин, без которых картина, описывающая центры и фигуры влияния современного православного Петербурга, была бы неполной.

Прежде всего, это **Татьяна Горичева**, женщина с достаточно сложной, но и примечательной судьбой. Татьяна Михайловна Горичева родилась в 1947 г. в Ленинграде и окончила философский факультет Ленинградского университета, где изучала западноевропейскую философию, специализируясь на Хайдеггере. В возрасте 26 лет пришла к Церкви и в 1980 г., т.е. через семь лет, вместе с двумя другими активными участницами «Христианского женского движения», в деятельности которого она также принимала непосредственное участие, была выслана из СССР. За границей она училась в католическом институте Святого Георгия (Франкфурт-на-Майне), в Православном богословском институте (Сергиевское подворье, Париж), слушала лекции в Сорбонне и других университетах Европы. Параллельно с этим она стала активно публиковаться и читать лекции о религиозной ситуации в России и на Западе [11], в результате чего Т. Горичева получила известность во всем мире. Она является автором более чем десяти книг, причем две из них — «Взыскание погибших» (1982) и «Опасно говорить о Боге» (1983) «разошлись тиражом более миллиона экземпляров каждая на десятках языков Европы и Азии» [12]. Выступила она и в качестве фигуры масс-медиа: Т. Горичева наладила выпуск журнала «Беседа», носившего характер религиозно- и философско-просветительского издания. Вокруг нее постепенно сложился круг людей, так называемый «секретариат Татьяны Горичевой», с началом реформ в СССР поставивший своей задачей укрепление духовных связей с православными и оказание им помощи» [12].

После восьмилетнего отсутствия, в 1989 г. Т. Горичева возвращается на Родину, где продолжает вести широкую общественную работу, выступая и публикуясь в средствах массовой информации и являясь неформальным лидером одного из приходов РПЦЗ, куда она не так давно перешла из РПЦ МП. В последнее время Т. Горичева проявила себя как сторонница консервативных позиций в Церкви, выступив с работой против экуменизма.

Другой женской фигурой влияния современного православного Петербурга является **Любовь Афанасьева**, руководитель Православного центра духовного возрождения, первоначально расположенного при церкви священномученика Исидора Юрьевского (адрес: ул. Римского-Корсакова, 24, настоятель — священник Олег Нецветаев). На возрождение храма (одна из первых задач Центра) жертвовали и бюджетные организации, такие, как Северо-Западное транспортное управление внутренних дел, Федеральная служба контрразведки, спецавтобаза № 1 Департамента по содержанию жилищного фонда и частные фирмы. Наряду с акционерными обществами «Самсон», «Выбор», «Валентина» и др., свой вклад внес Андрис Лиэпа [13]. Сейчас Центр переехал и находится по адресу: Лесной проспект, дом 59, корпус 7.

Занимаясь со времени своего основания духовно-просветительской работой, Центр выступил также учредителем ряда других организаций, среди которых охранный предпринимательский «Казачья Стража» и фонд «Возрождение и культура», возглавил которое вышеупомянутый Андрис Лиела.

Православный центр духовного возрождения С.-Петербурга является благотворительной организацией и существует на пожертвования, но активно взаимодействует с городскими властями. Помимо духовно-просветительской и миссионерской работы в государственных учреждениях, Центр помогает решать социальные проблемы города за счет договора с Комитетом по труду и занятости населения (безработные принимают участие в общественных работах и в других областях деятельности Православного центра, получают пособие и питание). При нем действует также Центр оказания медицинской помощи нуждающимся и Юридический консультационный центр, где проводятся благотворительные семинары по действующему законодательству для всех храмов С.-Петербурга и организаций.

Уже этот краткий перечень это указывает на А.В. Афанасьеву как на фигуру, осуществляющую весьма значительную инвестиционную деятельность. Анализ адресатов этих инвестиций позволит многое понять в современной церковной политике.

На основании изложенного, наверное, не будет преувеличением сказать, что православная конфессия уже присутствует в городской практике повседневности. Однако присутствие РПЦ МП в публичной городской жизни С.-Петербурга достаточно дозировано и регулируется самими руководителями Церкви. Можно сказать, что это делается для того, чтобы обеспечить закрытость *своему* публичному пространству. Это не приватное пространство, т.к. в приватном пространстве символический капитал отсутствует или, что будет точнее, капитал признания всех членов сообщества или группы принципиально равен. В качестве примера можно указать на семью. В приватном пространстве все имеют равный капитал, но разные ролевые позиции, задающие различное ролевое поведение. Публичное пространство имеет возможность производить символический капитал, а он способен в закрытых публичных пространствах приумножаться быстрее. Это обусловлено тем, что символический капитал — не только количественная величина. Фигуры влияния — это фигуры, обладающие символическим капиталом, т.е. капиталом признания, а для признания всегда нужна некая публичность. Уже в силу этого мы можем говорить о том, что Церковь осуществляет себя в публичном пространстве С.-Петербурга. Поэтому закрытость публичного пространства не ограничивает действующих в нем фигур в плане накопления символического капитала. Там просто другие стратегии.

Литература

1. Эрвье-Леже Д. Социология религии во Франции: от социологии секуляризации до социологии современной религиозности // Журнал социологии и социальной антропологии. Специальный выпуск. 1999.

2. Searle J. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995.
3. Шульц С. (мл.) Храмы Петербурга: история и современность. СПб.: Палитра, 1994.
4. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни С.-Петербурга. СПб.: Русский Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1994.
5. Храмы Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб.: Лениздат, 1992.
6. Павлов А.П. Храмы С.-Петербурга (художественно-исторический очерк). СПб.: Лениздат, 1994.
7. Высокопреосвященный Иоанн, митрополит Ленинградский и Ладожский // С.-Петербургские Епархиальные Ведомости. № 1–2. 1990.
8. Стогов И. Митрополит Владимир в городе святого Петра // Мир Петербурга. № 3(9). 1997.
9. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Годы славы и гонений (штрихи к истории С.-Петербургской Епархии) // Гуманитарные науки. № 1(2). 1994.
10. Поменьше политики / Православный С.-Петербург. № 5. 1999.
11. Горичева Т. Православие и постмодернизм. Л.: Тема, 1991.
12. Горичева Т. Об обновленчестве, экуменизме и «политграмотности» верующих. Взгляд русского человека, живущего на Западе. СПб.: Atheneum: Феникс, 1997.
13. Федоров А. Православный центр духовного возрождения С.-Петербурга // Возрождение. № 8–9 (10–11). 1996.